

ИДЕТ ВРЕМЯ, а я все чаще вспоминаю вологодскую поездку. Написать о ней хочется так, как плетут вологодские кружева: нитка за нитку, событие за встречу, встреча за пейзаж, пейзаж за впечатление, впечатление за шутку, шутка за событие, событие за встречу...

Вологда. Город древний — упоминается в летописях одновременно с Москвой, так что 800-летие спровоцировало в 1947 году. Вологодская область. Посмотрел по карте — вот это размеры! Самая большая в нечерноземье. И почти вся окрашена зеленым, обозначенены леса.

Вологодчина, говорят, «зеленый цех страны».

— Пожалуй, сейчас это не совсем верно, — возразил секретарь Вологодского обкома партии В. Мизгирев. — Он развернул большую карту области.

— Лесов-то сколько! — сказал я.

— Мало лесов, — опять возразил секретарь. Приятельно всматривался он в зеленые островки и, кажется, разглядывал каждую березу, каждую осину, ель, ясень, дуб... — У работников нашего лесного хозяйства мы и стараемся воспитать это чувство: весь лес — «на счет», беречь его надо.

Всеволод Николаевич взял со стола «Правду» с материалами XXV съезда. Газетные полосы все в пометках, читанные-перечитанные.

— Вот, обратите внимание: «Расширить заготовку древесины и ее переработку в районах Сибири и Дальнего Востока. Более рационально разрабатывать лесосырьевые ресурсы, особенно в европейской части СССР. Улучшить использова-

ние заготовляемой древесины». А вологодская сторона — самая эта «европейская часть». Вырубку мы здесь даже сокращаем. Но надо продукции брать с каждого дерева вдвойне.

— Это как?

Всеволод Николаевич уже хотел было подробно объяснить, но передумал:

— У вас день в запасе есть? Тогда поезжайте на комбинат в поселке Сокол близ Вологды.

ЛЮДСАМИ вологодскими мы любовались, когда ехали в Кирилловский архитектурно-художественный заповедник. Природа отдыхала после недавней метели. Елочки кокетливо кутались в белые шубки, а березки позволили своим тоненьким веточкам разбегаться во все стороны: нынче ветер не тронет.

Шофер резко затормозил:

— Смотрите — лиса! Во-о-он стоит.

Метрах в тридцати от шоссе как-то очень по-кошачьи сидела лиса. Мы вышли из машины — и только тогда Патрикеева, смешно прыгая в глубоком снегу — лишь пушистый хвост виден, двинулась к перелеску.

А километров через десять — вот удача! — опять лису увидели.

— У нас и зайцы, и лисы, и волки, и, бывает, медведь встречаются, — сказал шофер. — Леса густые — жизнь в них идет вовсю.

— ТО, ЧТО «лес рубят — щепки летят», это вы знаете, — говорит директор лесопильно-деревообрабатывающего комбината в Соколе В. Глебов. — Но главное — щепки летят, когда этот лес обрабатывают.

Свежий аромат дерева. Большой цех — в грохоте лесопильных рам. Подходит бревно, и — раз! — вот уже сверкающие доски плавят по конвейеру. Падают горбыли, рейки — эти отходы летят в машину, которая с грохотом в буквальном смысле слова «разносит их в щепки». Впрочем, есть более солидное название: «технологическая щепа».

— Щепа идет для изготовления бумаги, — говорит директор. — Казалось бы, просто — пустить отходы в дело. Но по технологии отходы эти должны быть без коры. Значит, кору надо удалить заранее, еще до разделки бревна. Тут пришлося повозиться. Пойдемте, я вам покажу, как это мы делаем...

По дороге заглядываем в цех, где перемалывают... опилки, изготавливая древесную муку — сырье для химической промышленности.

— Эти все новшества появились в девятой пятилетке, — говорит Борис Васильевич. — Раньше древесина использовалась на 60 процентов. Теперь уже на 88.

Вот, стало быть, что значит — стараться взять продукцию с каждого дерева вдвойне.

«ВЕЛИЧАВ и красив Кириллов Белозерский монастырь», — говорится в путеводителе. И он действительно величав и красив. А неподалеку еще одно чудо: Ферапонтов монастырь. Тут мы малость не поддразнивали: на севере темнеет рано.

— Как же вы так? — сокрушается молоденькая научная сотрудница, торопливо отирая стаинину, в полметра длиной, ключом дверь собора. — Фрески-то надо при свете смотреть.

Под мелодичный певческий речевон коклюшок нитка за ниткой складывается в удивительные узоры вологодские кружева. Мелькают проворные руки мастерниц, чье искусство передается из поколения в поколение, и рождается «снежинное покрывало». Эти изделия хорошо известны не только у нас в стране, но и за рубежом. На снимке слева: вологодские мастерницы объединения «Снежинка» [слева направо] Г. Голосова, Н. Федотовская, Т. Еченина и В. Семенова.

Удивительна природа Вологодского края. Заснеженные леса будто подсказывают сюжеты для всемирно известных кружев. На снимке справа: близ поселка Ирма Вологодской области.

Фото Ю. СКУРАТОВА и ТАСС.

Мне так и запомнились шедевры Дионисия: чуть-чуть в дымке сумерек. Дионисий сам составлял краски, причем вот эту блекло-синеватую да и многие другие нашел здесь же, на берегах озер. Сейчас молодые художники пытаются разгадать секрет, ходят в экспедиции, ищут эти краски.

И в Ферапонтово, и в Кириллове многие башни, купола в строительных лесах. Идут реставрационные работы. Сюда приезжает уже третий год студенческий отряд Московского инженерно-строительного института. Так что с шедеврами архитектуры ребята знакомятся самым что ни на есть непосредственным образом. Живут они здесь же, и вечерами толстенные своды келий эхом повторяют веселые студенческие песни.

Я ВНАЧАЛЕ упомянул о вологодских кружевах. Мастера объединены сейчас на предприятии «Снежинка». До чего же точно это название! Вот белая салфетка — вся в мелких стежочках, и стежочки побольше, и в просветах, легкая, колышется под сквознячком. Вот-вот растает. Снежинка, да и только!

— А, пожалуй, в каждом нашем рисунке проглядывают снежинки, — говорит В. Ельфина, заслуженный художник РСФСР, автор многих лучших вологодских кружев.

— Виктория Николаевна, а может быть, объединение и названо в честь вашей работы? — спрашиваю я. — Мне говорили о скатерти «Снежинка».

— Здесь ее сейчас нет: она все время где-нибудь за рубежом, на выставках. Немало наград получи-

ла, в Пловдиве — золотую медаль. Она как бы вся состоит из снежинок. Будто метель повеяла, вологодская метель...

— Хотите познакомиться с Веселовой? — спросила В. Ельфина.

Я уже слышал об известнейшей кружевнице Вере Дмитриевне Веселовой. У нее и мать была кружевницей, и бабушка, и прабабушка. По рисункам Веры Дмитриевны сделаны десятки изделий. Но она и сама, хоть уже на пенсии, нет-нет да и засядет за кружева. Смотришь на руки мастерницы, и в глазах рябит: коклюшки — небольшие палочки, на которые намотаны нити, — так и мелькают. Коклюшка за коклюшку, нитка за ниткой. В руках десесять, пятнадцать, а то и больше коклюшек. Они постукивают друг о друга, звенят.

— Хорошая коклюшка всегда мелодию делает, — говорит Вера Дмитриевна. — Дерево для нее специально подбирают. Вот эти — из жимолости. А еще лучше — еловые. Мы на работе под этот перезон часто пели. Теперь тоже поем, но как-то реже. Знаете: телевидение, радио играет...

КАК МНОГО можно было бы еще написать о древнем русском городе и его людях! Я не написал про молодых кружевниц, что перенимают мастерство старших, и про студентов вологодских институтов и техникумов, про растущую индустрию некогда захолустного губернского центра... Мне просто хотелось передать то ощущение необычайной светлости, влюбленности в свой город, которое испытываешь всякий раз, знакомясь со старожилами старого русского города на берегах Вологды-реки.

А. ЕРМИЛОВ.
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

